

Рецепции понятия «иго» в эпоху установления монгольского/ордынского владычества*

Юрий Селезнев

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

Receptions of the Concept of “Yoke” in the Era of the Establishment of the Mongol/Horde Rule**

Yuri Seleznev

Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Modern historiography notes that the term “yoke” was first used in connection with Russia’s dependence on the Horde in the late fifteenth century by the Polish chronicler Jan Dlugosz. The contemporaries of the Horde’s rule over Russia did not know the term “Tatar yoke” or its equivalents: “Tatar yoke”, “Mongolian-Tatar yoke”, “Horde yoke” – they are considered anachronisms. Since anachronism is a false or conditional dating of events and features of one epoch to another, their use in relation to the period of Russia’s dependence on the Horde does not seem quite correct. The author highlights the evidence for the use of the term in relation to the phenomenon synchronous with the establishment of the system of Russia’s dependence on the Horde. The broad cultural and religious aspect of understanding the geopolitical situation in Eurasia, which changed after the Mongol conquest, suggests that the concept of the “Babylonian yoke” was known in the Catholic and Orthodox worlds. At the same time, all the participants in the formulation of the image of the “Babylonian yoke” – both the Catholic and the Orthodox worlds – were directly or indirectly connected with each other. Sacred biblical plots and concepts

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)», реализуемого в Воронежском государственном университете (<https://rscf.ru/project/23-18-00147/>).

** Citation: Seleznev, Yu. (2024). Receptions of the Concept of “Yoke” in the Era of the Establishment of the Mongol/Horde Rule. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 1127–1140. DOI 10.15826/qr.2024.3.927.

Цитирование: Seleznev Yu. Receptions of the Concept of “Yoke” in the Era of the Establishment of the Mongol/Horde Rule // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 1127–1140. DOI 10.15826/qr.2024.3.927 / Селезнев Ю. Рецепции понятия «иго» в эпоху установления монгольского/ордынского владычества // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 1127–1140. DOI 10.15826/qr.2024.3.927.

were quite naturally used to solve the difficult ecclesiastical and inter-state relations of the thirteenth century. It is quite understandable that in the written tradition of the second half of the thirteenth century one finds traces of the borrowing of the idea of the "Babylonian captivity" from the Bible in order to adapt it to the realities of the Horde rule, connected with the activities of Metropolitan Kirill II, who led the Russian Church from the 1240s to the 1280s. Thus, the article examines the problem of the origin of the term "yoke", drawing conclusions about the reception of this concept from biblical sacred history or ancient Roman history; the question is raised as to the adequacy of this term to describe Russian-Horde relations in this period. The author comes to the conclusion that the opinion about the anachronism of the term is refuted by the available evidence and allows further application of the epistemological potential of the concept when considering the history of Russian-Horde relations in the thirteenth-fifteenth centuries. In addition, the author reveals the mechanism of the emergence of various "Latinised" terminologies in the context of the international discourse on the relationship between the Catholic and Orthodox Churches and pagan, and then Muslim, nomadic society and the state.

Keywords: Golden Horde, Horde yoke, Ulug Ulus, Alexander Nevsky, Plano Carpini, Rus and Horde, Pope

Современная историография отмечает, что впервые термин «иго» применительно к зависимости Руси от Орды употребил в конце XV в. польский хронист Ян Длугош. В связи с тем, что современники владычества Орды над Русью не знали термина «иго татар» и эквивалентных ему понятий «татарское иго», «монголо-татарское иго», «ордынское иго», они признаются анахронизмами. Поскольку анахронизм – это ошибочное или условное приурочивание событий и черт одной эпохи к другой, использование его в отношении периода зависимости Руси от Орды выглядит не вполне корректно. В ходе исследования выявляются синхронные установлению системы зависимости Руси от Орды свидетельства об употреблении термина применительно к явлению. Широкий культурно-религиозный аспект осмысления изменившейся после завоевания монголов геополитической ситуации в Евразии позволяет утверждать, что концепция «вавилонского ига» была известна в католическом и православном мире. При этом все участники формулирования образа «вавилонского ига» – и католического, и православного мира – были прямо или опосредованно связаны между собой. В решении непростых церковных и межгосударственных отношений XIII столетия закономерно использовались сакральные библейские сюжеты и понятия. Вполне объяснимо, что в письменной традиции второй половины XIII в. обнаруживаются следы заимствования из Писания идеи «вавилонского плена» для приспособления ее к реалиям ордынского владычества, связанные с деятельностью митрополита Кирилла II, возглавлявшего Русскую церковь с 1240-х гг. до 1280 г. В статье исследуется проблема происхождения термина «иго», делается вывод о рецепции данного понятия из библейской сакральной или древнеримской истории, ставится вопрос об адекватности этого термина для описания русско-ордынских отношений в указанный период. Автор приходит к выводу, что мнение об анахроничности термина опровергается имеющимися

свидетельствами и позволяет в дальнейшем применять гносеологический потенциал понятия при рассмотрении истории русско-ордынских отношений в XIII–XV столетиях. Кроме того, выявляется механизм появления различной «латинизированной» терминологии в условиях международного дискурса взаимоотношений католической и православной церкви и языческого, а затем и мусульманского кочевого общества и государства.

Ключевые слова: Золотая Орда, ордынское иго, Джучиев улус, Александр Невский, Плано Карпини, Русь и Орда, римский папа

Период ордынского владычества принято считать временем, когда в государственную модель Руси/России была внедрена система восточного деспотизма. В научных исследованиях и общественном сознании сформирован устойчивый стереотип: русские князья под тяжестью ханского гнета, «выходного» серебра и даров на подкуп покорно едут на поклон к восточному владыке. В обмен на взятки, дань и демонстративное подчинение они получают инструменты и технологии управления в своих княжествах. Вполне закономерно, что в сознании возникает логический вывод: используя и внедряя эти технологии, русский князь становится подобен ордынскому хану – восточному тирану, а его княжество усваивает модель и принципы управления кочевого государства. По всем имеющимся признакам система ордынской государственности должна была оказать существенное влияние на развитие русских княжеств.

Немаловажная роль в оформлении системы подчинения Руси Орде отводится исследователями князю Александру Ярославичу (Невскому) [см., например: Данилевский, 2005, с. 119–132]. Причем оценки данной роли оказываются диаметрально противоположными. Так, В. Л. Егоров подчеркивает: «История возложила на плечи Александра Ярославича ответственнейшую задачу выбора направления политического развития Русского государства в его отношениях с Западом и с Востоком. И именно Александра можно и должно считать первым русским политиком, заложившим основы совершенно особого пути, который в полной мере начал осмысляться лишь в XX в. и получил наименование евразийства» [Егоров, с. 48–58]. Вслед за В. Л. Егоровым в новейшей работе отмечается: «Действительно, с позиций сурового ригоризма восточная политика Александра Невского не так впечатляет, как гибель Михаила Черниговского, но направление было выбрано верно» [Долгов, Котляров и др., с. 413].

Однако английский исследователь Дж. Феннел дает иную оценку: «можно задать вопрос: привела ли проводимая Александром политика уступок (каковой она, несомненно, являлась) хоть к какому-нибудь улучшению положения русских при татарском господстве?.. Вмешательство Александра в 1252 году, его роль в разгроме татарам двух его братьев фактически положили конец действенному сопротивлению русских князей Золотой Орде на многие годы вперед» [Феннел, с. 162–163].

И. Н. Данилевский предлагает оценивать восточную политику князя Александра как инструмент усиления собственной власти: «опираясь на помощь монгольских ханов, Александр Невский закрепил деспотические традиции управления северо-западными землями Руси, заложенные его предшественниками» [Данилевский, 2001, с. 228].

В историографии устоялось определение этого периода как татарского или ордынского ига. Однако в современных работах на протяжении последних 30 лет наблюдается тенденция к отказу от него (что выразилось, в частности, в попытках «потерять» его в историко-культурном стандарте).

Если не принимать во внимание лишённые источниковой опоры утверждения о том, что «такие люди, как русский князь Александр Ярославович Невский, никогда и ни у кого под ярмом не ходили и в принципе ходить не могут» [Гумелёв, с. 4], то основой для изживания гносеологического значения понятия «иго» [Нолев, с. 95–96] является доказательство его явного анахронизма: его впервые в рамках отношений Руси и Орды ввел в нарратив Ян Длугош в конце XV в. (см. об этом: [Горский, с. 191] (указано на ошибочное отнесение первого употребления термина «иго» к концу XVI в.); см. также: [Ostrowski, p. 144–145; Рудаков, 2011; Рудаков, 2015]). Данный факт позволяет утверждать, что современники свои взаимоотношения со степными завоевателями так не называли, а экстраполяция термина на прошлое представляется некорректной¹. Именно поэтому американский исследователь Чарльз Гальперин отмечает, что термин «иго татар» и эквивалентные ему понятия «татарское иго», «монголо-татарское иго», «ордынское иго» являются анахронизмами [История татар, с. 432]. По мнению автора, «неясное происхождение термина “татарское иго” указывает на пренебрежение российской историографии проблемой воздействия монголов. Подобное словосочетание могло появиться не ранее семнадцатого века, и предполагать, что оно отражает взгляды русских в монгольский период, или применять это понятие в анализе средневековых источников – значит допускать возможность анахронизма» [Гальперин, с. 18]. Поскольку анахронизм – это неверное или условное приурочивание событий и черт одной эпохи к другой, то использование его в отношении периода зависимости Руси от Орды является, по мнению американского исследователя, ошибочным.

Вероятно, концепция отказа от отвлеченных терминов в исторических источниках связана с установками культурной антропологии, в рамках которой выявлено, что выводы исследователя о том или ином культурном явлении (*etic*), как правило, отличаются от представлений о том же явлении носителей данной культуры (*emic*) [Kenneth]. Перенос данных наблюдений на исторические процессы и эпохи привел к требованию отказа от определений, не встречающихся у современников (которое сложно считать обоснованным). Между тем существует ряд свидетельств, позволяющих усомниться в соответствии

¹ Автор данных строк сам попал в эту ловушку, см.: [Селезнев].

реальности утверждения о том, что современники понятие «иго» применительно к власти татар не знали и не употребляли.

В первую очередь необходимо обратить внимание на ответы на вопросы о татарах на Лионском соборе архиепископа Петра, которого вполне обоснованно отождествляют с епископом Белгородским (под Киевом) [Ruotsala, p. 154; Jackson, p. 87, 105]. Один из ответов Петра, как правило, переводится следующим образом: «Из восстающих против них или презирающих *их ярмо* они не щадят никого, как и тех, кто их ожидает» [Матузова, с. 153–154]. Однако в латинском тексте стоит *уго (jugum)*: «*Insurgentibus in eos vel jugum eorum spernentitus nullatenus parcant, vel qui eos exspectant*» [Там же, с. 126]. Все известные нам редакции рассказа о татарах архиепископа Петра восходят к одному протографу, разночтения и смысловые детали в них остаются на совести переписчиков и переводчиков [Селарт, с. 107].

Таким образом, слова русского по происхождению епископа определяли господство монголо-татар словом, которое на латынь было переведено как *jugum*². И это определение появилось непосредственно после вторжения полчищ Батыя в католические страны – Польшу и Венгрию (1241/1242 гг.) – в период работы Лионского собора в 1245 г.

Каким словом или словосочетанием определял власть монголо-татар архиепископ Петр, мы не знаем. Однако в более позднее время в Галицко-Волынской летописи суверенные права верховного правителя, которым по отношению к русским княжествам являлся ордынский хан, обозначались словами «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарьской» [Галицко-Волынская летопись, с. 318–320; ПСРЛ, стб. 892]. Русские князья с ордынскими войсками ходили в походы «неволею Татарьскою» [ПСРЛ, стб. 891]. Также автор летописного текста отмечает, что «тогда бяхуть вси князи русции в воли татарьской, покорени гневом Божиим» [Галицко-Волынская летопись, с. 324]. Можно лишь предполагать, что словосочетание «воля/неволя татарская» могло быть переведено на латынь как «иго татар».

Такое предположение тем более вероятно, что в послании папы Иннокентия IV Александру Невскому от 23 января 1248 отмечено: «*Super eo autem quod collum tuum noluisti subdere jugo Tartarice feritatis, prudentiam tuam dignis in Domino laudibus commendamus*» (как правило, переводится как: «За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под *ярмо татарских дикарей*, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней») [Матузова, Назарова, с. 263, 265, 267, прим. 12]. Вполне возможно, что «неволя татарская» была на латынь переведена как *jugo tartarice*.

² «Среди прочих прелатов мира прибыл на собор в Лионе рутенский архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшиеся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и все же через толмача блестяще пред лицом Его святейшества папы изложил Евангелие». См. об этом: [Майоров, 2019; Матузова, с. 180; Annales monastici, p. 271–275; Ex annalibus Burtonensibus, s. 474–475].

Однако если в 1245 г. содержание монголо-татарского владычества передавалось термином *jugut/уго* со слов русского архиепископа Петра, то к 1248 г. (ко времени написания послания папы) рецепция понятия могла возникнуть из личных наблюдений папских посланников. Так, в путевых записках Плано Карпини и Ц. де Бридиа сохранились описания обряда очищения людей, связанного со столкновением с потусторонним миром – миром мертвых. Ц. де Бридиа составил описание следующим образом:

А после того, как кто-либо умер, необходимо очистить все, что относится к его стойбищу. *Поэтому разводят два костра, рядом с которыми вертикально воздвигаются два шеста, на верхушке связанные поясом, к которому прикрепляются несколько кусков букерана. Под этим поясом между шестами и кострами надлежит пройти людям, животным и провести юрту.* Как с той, так и с другой стороны [шестов] стоят две заклинательницы, которые брызгают водой и произносят заклинания. А если же повозка, проезжая [между огней], сломается или если какие-либо вещи [с нее] упадут, то заклинательницы сразу же берут их по своему праву. Сходным образом, если кто-либо умирает, пораженный громом, то все, что он имел, всячески отвергается всеми [как нечистое] до тех пор, пока не будет очищено упомянутым образом [Христианский мир, с. 121].

По словам Плано Карпини,

...устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки [Плано Карпини, с. 139; Путешествия в восточные страны, с. 33].

Данный обряд, переданный католическими посланниками вышеприведенными словами, весьма напоминает обычай демонстрации римлянами победы и подчинения поверженного противника (сдавшегося в плен), когда на месте, где войско сложило оружие, втыкали два копия и привязывали наверху третье поперек. Под ним поодиночке со своими военачальниками во главе без оружия и знаков воинских отличий проходили все воины на виду победоносной армии [Дворецкий, с. 431; Рудаков, 2012, с. 30]. Данный процесс носил название проходить «под иго», или просто *уго/jugut*.

Усугубляют предположение о рецепции древнеримского «ига» на ордынское владычество указания католических путешественников на то, что прибывавшие ко двору Чингизидов послы и покоренные правители должны были соблюдать точно такой же обычай. Так, по словам Гийома Рубрука, «брату Андрею (Андре Лонжюмо, посланник французского короля Людовика IX. – Ю. С.) и его товарищам надлежало пройти между огнями», поскольку монголы

...переправляют между огнями все, посылаемое ко двору, и... брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам:

во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану.

Сам Рубрук избежал данного обряда, поскольку он «ничего не принес» [Путешествия в восточные страны, с. 177].

Ц. де Бридиа также указывает, что при совершении «неких больших грехов» (некоторые из них он перечисляет) при условии, что «[кто-либо] сделает это намеренно, после этого его убивают». Но если преступление было непреднамеренным,

...то необходимо, чтобы он заплатил заклинателю, чтобы тот очистил их, [проведя] между двух огней таким образом, чтобы они сами вместе с юртой и с тем, что в ней есть, прошли сквозь [огни]. И прежде чем это не произойдет, никто не смеет прикасаться к чему-либо [находящемуся] в юрте [Христианский мир, с. 118–119].

Плано Карпини обращает внимание на то, что монголы «веруют, что огнем все очищается». Именно поэтому, «когда к ним приходят послы, или вельможи, или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла». По словам Ц. де Бридиа, «По этой причине даже наши братья прошли между огней [перед тем, как были допущены ко двору]» [Христианский мир, с. 119]. Именно отказ князя Михаила Всеволодовича Черниговского от поклонения идолам и прохождения между огней привел к трагическим последствиям, и князь был казнен: «доидоша мѣста, идеже бѣ накладенъ огонь со обѣ странѣ <...> Михаилъ же глагола Феодорови: “Луче намѣ есть не покланятися, ему же ся си кланяютъ”» [Сказание об убиении, с. 158].

Важно в рамках аналогий обряда очищения у монголов с древнеримским «игом» упоминание о необходимости сложить оружие перед посещением правителя. К примеру, арабский автор Ал-Муфадаль, описывая прием египетских послов ханом Берке, указывает, что им было передано предостережение/инструкция:

...Никому не входить к нему в шатер с мечом, с ножом или с оружием; не прикасаться ногами к порогу шатра; когда кто снимет с себя свое оружие, то слагать его на правую сторону, вынуть лук из сайдака, опустив тетиву, не оставлять в колчане стрел [Золотая Орда в источниках, с. 92–93].

Подобные действия должны были вызывать впечатление пленения: складывание оружия – явный признак военного поражения и покорности.

Становится очевидным, что все прибывшие ко двору монгольских правителей должны были пройти не только между двумя огнями, но и между двумя копьями и под веревкой с тканью (букараном). Этот обряд явно соотносится с образом древнеримского «ига».

Сам образ иноземного порабощения, описываемого в терминологии «ига», был хорошо известен образованной элите христианского

мира, причем как католического, так и православного вероисповедания. Как отметил А. В. Лаушкин, людям, знакомым с Библией, «все случившееся с Русью не могло не напомнить историю гибели Иудейского царства – один из центральных эпизодов Ветхого Завета, описанный сразу в нескольких библейских книгах (книгах пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Четвертой книге Царств и др.)» [Лаушкин, с. 212]. Для средневекового христианского мира Библия «служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотнесение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего» [Успенский, с. 5]. Согласно библейскому контексту, жители Иудейского царства были «преданы в руки суровому язычнику вавилонскому царю Навуходоносору и должны были служить ему, “и сыну его, и сыну сына его, дондеже приидет время земли его” (Иер. 27 : 7)» [Лаушкин, с. 212]. Это время получило название вавилонского плена.

Показательно, что в соответствующих книгах Библии, описывающих невзгоды вавилонского плена, тяготы Божественного наказания описаны именно в терминах «ига». Так, в древнегреческом тексте гнет языческого царя Навуходоносора передается словом *ζυγος* (*zigós*): «καὶ τὸ ἐθνὸς ὃ ἐὰν εἰσαγάγῃ τὸν τραχηλὸν αὐτοῦ ὑπὸ τὸν *ζυγόν* βασιλεὺς βαβυλωνός καὶ ἐργασθῇ αὐτῷ καὶ καταλείψῃ αὐτὸν ἐπὶ τῆς γῆς αὐτοῦ καὶ ἐργάται αὐτῷ καὶ ἐνοικήσει ἐν αὐτῇ» (Иеремías 27 : 11). На латынь соответствующий стих был переведен следующим образом: «et ait Ananias in conspectu omnis populi dicens haec dicit Dominus sic confringam *iugum* Nabuchodonosor regis Babylonis post duos annos dierum de collo omnium gentium». Вполне закономерно, что плен вавилонского царя обозначен словом *iugum*.

На Руси были прекрасно знакомы с древнегреческим текстом – Септуагинтой. Так, «славянская Библия... является последним из средневековых переводов целого текста Септуагинты» [Вевюрко, с. 220], «он является переходом из библейского мира, опосредованного древнегреческим переводом, в мир православной религиозной мысли и жизни второго тысячелетия» [Козаржевский, с. 33]. Как подчеркнул И. С. Вевюрко, перевод Библии «представляет собой ключ ко многим смыслам отечественной культуры, имеющим прямую... преемственность с историей и культурой древнего мира. Особый стиль, присущий библейскому слову и распространяющийся – в потоке общего греческого влияния – на славянский язык в целом, не только богослужебных, но и философских, исторических, естественнонаучных, биографических и эпических произведений, приобретает на Руси свойства сакрального языка, предназначенного для выражения неизменных истин и точно выраженных аскестикой душевных движений. Сакральность эту не следует понимать в смысле неподвижности и неизменяемости, так как богатство форм, особенно лексических, в древнейших славянских рукописях показывает ровно обратное» [Вевюрко, с. 220; Козаржевский, с. 33]. Немаловажен вывод И. С. Вевюрко о том, что «фразеология и лексика славянской Библии остаются важнейшим пособием для восприятия мышления библейской эпохи в пространстве русской культуры» [Вевюрко, с. 222].

Однако в соответствующем месте церковнославянского текста пленение Иудеи вавилонским царем обозначено словом «ярмо»: «Отъ ꙗже, ꙗже склонитъ вѣи свои подъ ꙗремъ царѣ вавѣлонска ꙗ послужитъ ѣмѹ, ѡстаѡи ѡ на земли своей, ꙗетъ гдѣ: ꙗ ѡрати бѣдетъ ѡ ꙗ вселѣтсѣ на неѣ». В следующем стихе в древнерусском тексте присутствует слово «иго»: «И ко седекѣи царѣ ѡдинѣ глаголахъ по всѣмъ словесѣмъ сѣимъ, глагола: склоните вѣи вѣша подъ иго царѣ вавѣлонска ꙗ служите ѣмѹ ꙗ лидемъ ѣгѡ, ꙗ живи бѣдете». Но в древнегреческом тексте его нет: «καὶ πρὸς Σεδεκιαν βασιλέα Ιουδα ἐλάλησα κατὰ πάντας τοὺς λόγους τούτους λέγων Εἰσαγάγετε τὸν τράχηλον ὑμῶν». Нет «ига» и в латинском тексте.

В то же время в Книге пророка Иезекииля предвещается освобождение из вавилонского плена и отмечено: «И дрѣвеса на полѣи дадѡтъ плодъ свой, ꙗ земля даѣтъ сѣнъ свой, ꙗ вселѣтсѣ на земли своей съ надеждою мнѣра, ꙗ ѡвѣдаѣтъ, ꙗко азъ ѣсмь гдѣ, ѣгда ѡкрѣшѹ ѡзы иго ꙗхъ: ꙗ и забавлю ѣ и зрѣки порабѡтнѣшихъ ѣ, (Иез. 34 : 27). В соответствующем месте древнегреческого текста слово «иго» присутствует: «καὶ τὰ ξύλα τὰ ἐν τῷ πεδίῳ δώσει τὸν καρπὸν αὐτῶν καὶ ἡ γῆ δώσει τὴν ἰσχὺν αὐτῆς, καὶ κατοικήσουσιν ἐπὶ τῆς γῆς αὐτῶν ἐν ἐλπίδι εἰρήνης, καὶ γνώσονται ὅτι ἐγὼ εἰμι ὃ ἐν τῷ συντρίψαι με τὸν ζυγὸν αὐτῶν καὶ ἐξελοῦμαι αὐτοὺς ἐκ χειρὸς τῶν καταδουλωσαμένων αὐτούς». Сохраняет его и латинский текст: «et dabit lignum agri fructum suum et terra dabit germen suum et erunt in terra sua absque timore et scient quia ego Dominus cum contrivero catenas iugi eorum et eruero eos de manu imperantium sibi».

Таким образом, дискурс «вавилонского ига» присутствовал среди знатоков библейских текстов и библейской культуры, а явные и неявные аналогии могли вызвать рецепцию термина из сакральной истории и применение его к истории отношений Руси и Орды. При чем происходило это в широком контексте взаимодействия православных (греческих и русских) и католических церковных деятелей в рамках необходимости поисков смыслов в условиях завоевания монголо-татар и построения на просторах Евразии мощной языческой империи. В частности, обширное взаимодействие церковнослужителей, постоянные контакты между Никеей и Апостольской церковью и участие в этих процедурах высшего русского духовенства во второй половине 1240-х – середине 1250-х гг. были связаны с широкими экуменическими процессами, развернувшимися в это время.

Для понимания обращения к библейскому контексту важно, что Никея отказывалась принять добавление о филиокве к исповеданию веры до тех пор, пока его необходимость не будет доказана на основе Священного Писания или с помощью какого-либо *divinum oraculum* [Майоров, 2011, с. 69]. То есть обе стороны – и Рим, и Никея – искали в Библии обоснования Символа веры и не могли не встречаться с иными образами, вызывавшими ассоциации с сегодняшним днем. Эти образы, несомненно, становились актуальными в связи с осмыслением власти монголо-татар.

Русские православные иерархи оказались вовлеченными в эти процессы. Появление на Лионском соборе белгородского архиепископа Петра (вероятно, являвшегося местоблюстителем митрополичьего

стола) не было случайным. Однако его полномочия и статус остаются непроясненными. При этом, если рассматривать его миссию в связи с переговорами между Никеей и папой о перспективах унии, то вполне закономерными будут не только факт его сообщения о татарах, но и предварительная проверка его на знание христианского вероучения и Библии. Результаты испытания, которому подвергся архиепископ Петр, показывают, что можно не владеть библейскими языками – греческим, латинским и еврейским – но при этом прекрасно знать Писание. И, вероятно, русским иерархам были известны применяемые в текстах понятия и определения.

Другим активным деятелем эпохи является митрополит Кирилл, который посетил в 1247–1249 гг. Никею и был возведен в сан первоиерарха всея Руси. Причем есть основания полагать, что именно Кирилл сопровождал князя Даниила Романовича в ставку Батыя [Майоров, 2011, с. 69] и мог встречаться с папским легатом Плано Карпини. Последний, в частности, отмечает, что на пути в Орду он увещевал «как князя, так епископов и всех других, которые собрались» (тогда он общался с Василько Романовичем). А на обратном пути Карпини встречался с обоими братьями Романовичами, а также «с епископами и другими достойными уважения» [Путешествия в восточные страны, с. 82].

А. Н. Ужанков предлагает перевод последней фразы рассказа о поездке князя Даниила в Орду следующим образом: «и поручена была его земля ему (то есть князю Даниилу) и тому, кто был с ним» [Ужанков, с. 155]. В этом случае «тот, кто был с ним» – это митрополит, также получивший инвеституру на церковное служение из рук восточного правителя. То есть Кирилл, выезжая к патриарху на поставление, уже получил на то разрешение ордынского хана [Там же, с. 161]. В этом случае дискурс «ига восточного правителя» приобретал особую актуальность не только для русской митрополии, но и при дворе патриарха в Никее.

Так или иначе, все участники «воспроизведения» образа «вавилонского ига» в условиях владычества в Евразии монголо-татар были прямо или опосредованно связаны между собой. В обсуждении сложных международных и церковных отношений того времени они вполне могли применять библейские термины в форме «ζυγος/iugum/иго/ярмо/неволя». Неудивительно в связи с этим, что в литературной традиции второй половины XIII в. обнаруживаются следы заимствования из Писания идеи «вавилонского плена» для приспособления ее к реалиям ордынского владычества. Не менее закономерно, по справедливому наблюдению А. В. Лаушкина, что «большинство этих текстов имеет прямое или косвенное отношение к митрополиту Кириллу II, возглавлявшему Русскую церковь с 40-х годов XIII века и до своей кончины в 1280 году» [Лаушкин, с. 214].

Таким образом, становится очевидным, что в 1240-х гг. понятие «иго» в отношении власти ордынских ханов к покоренным государствам и народам, в том числе относительно к Руси, применялось. Его использовали в канцелярии римского папы. По всей видимости, оно оказалось переводом слов русского архиепископа Петра на Лионском

соборе, ведь сам Петр не знал латыни и греческого и, следовательно, придумать его не мог. Уже основываясь на данном переводе, папская канцелярия применила его в послании к князю Александру Ярославичу в 1248 г. В этой связи является важным тот факт, что на Руси это понятие знали, но, скорее всего, в переводе использовали другое определение (*гнет*). Поэтому утверждение о том, что современники не знали такого понятия и не применяли его, следует признать ошибочным. Правда, степень распространенности его применения, в том числе на Руси, остается дискуссионным вопросом.

Кроме того, в древнерусской литературе второй половины XIII в. фиксируется идея библейского «вавилонского плена» как аналога современного ордынского владычества. В текстах Писания на различных языках (греческом, латыни, церковнославянском) указанный сакральныи период обозначается словом *ζυγος/iugum/уго*.

Следовательно, выражения «татарское иго» и «ордынское иго» нельзя признать анахронизмами – современники князя Александра Ярославича (хотя бы переводчики княжеской канцелярии) их знали. Можно предполагать, что *jugo Tartarice* было аналогом определения зависимости Руси от Орды как «неволя татарская», встречающееся в южнорусском летописании (в частности, в Галицко-Волынской летописи) и (или) рецепцией на русские реалии XIII в. дискурса «древнеримского ига» (проведение покоренных под копьями и перекладной) и «вавилонского плена/ига» из Святого Писания.

Таким образом, гносеологический потенциал понятия «иго» применительно к истории Орды далеко не исчерпан, а само оно вполне применимо для обозначения периода зависимости Руси от Джучиева улуса на протяжении всего времени – с XIII по XV столетие.

Библиографические ссылки

Вевюрко И. С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 976 с.

Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 5. XIII век. 528 с.

Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2012. 230 с.

Горский А. А. Русь : От славянского Расселения до Московского царства. М. : Языки славян. культуры, 2004. 368 с.

Гумелёв В. Ю. Про иго монголо-татарское // Политика, государство и право : [электрон. науч.-практ. журн.]. 2013. № 3. URL: <https://politika.snauka.ru/2013/03/694> (дата обращения: 15.05.2024).

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций. М. : Аспект Пресс, 2001. 388 с.

Данилевский И. Н. Александр Невский : Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен» : Проблемы исторического сознания. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2005. С. 119–132.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1986. 431 с.

Долгов В. В., Котляров Д. А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности : Разнообразие взаимодействий «центр – периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 465 с.

- Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // *Отеч. ист.* 1997. № 2. С. 48–58.
- Золотая Орда в источниках : в 5 т. М. : [Б. и.], 2001. Т. 1. 448 с.
- История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань : Ин-т истории Акад. наук Республики Татарстан, 2009. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. 1056 с.
- Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 146 с.
- Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII в. // *Богословский сборник*. Вып. 10. М. : Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-т, 2002. С. 211–224.
- Майоров А. В. Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica Antiqua*. 2011. Т. 3. С. 60–99.
- Майоров А. В. Русский архиепископ Петр на Лионском соборе // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 4 (78). С. 18–32. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.002.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. : тексты, перевод, комментарии. М. : Наука, 1979. 268 с.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. : тексты, перевод, комментарии. М. : Индрик, 2002. 488 с.
- Нолев Е. В. «Монголо-татарское иго» : Идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2013. № 8. С. 92–96.
- Плано Карпини И. де. История монголов : текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. 383 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2001. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.
- Рудаков В. Н. «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2011. № 3 (45). С. 99–100.
- Рудаков В. Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков // *Вестн. МГИМО*. 2012. № 4. С. 24–32.
- Рудаков В. Н. Зависимость от Орды в русской исторической терминологии // *Древняя Русь. Пространство книжного слова : Историко-филологические исследования* / отв. ред. В. М. Кириллин. М. : Языки славян. культуры, 2015. С. 437–453.
- Селарт А. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 100–113.
- Селезнев Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // *Рос. ист.* 2012. № 4. С. 107–110.
- Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // *Библиотека литературы Древней Руси* : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 5. С. 156–163.
- Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // *Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв.* М. : ИМЛИ РАН, 1992. Сб. 3. С. 149–180.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М. : Языки рус. культуры, 2000. 128 с.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М. : Прогресс, 1989. 291 с.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя» : Материалы францисканской миссии 1245 года. М. : Евразия, 2002. 478 с.
- Annales monastici* : in 5 vols. / ed. by H. R. Luard. L. : Longman : Roberts, and Green, 1864. Vol. 1. 586 p.
- Ex annalibus Burtonensibus* // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores (in Folio)* / ed. by R. Pauli : 32 vols. Hannoverae : Hahn, 1885. Vol. 27. S. 474–475.
- Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. The Mongols and the West, 1221–1410.* Harlow : Pearson Longman, 2005. 414 p.
- Kenneth L. Pike Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior.* The Hague : Mouton, 1967. 762 p.
- Ostrowski D. Muscovy and the Mongols : Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier. 1304–1589.* Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1998. 329 p.
- Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other.* Saarijärvi : Finnish Acad. of Science and Letters, 2001. 169 p.

References

- Danilevskii, I. N. (2001). *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.). Kurs lektsii* [Russian Lands through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th–14th Centuries). A Course of Lectures]. Moscow, Aspekt Press. 388 p.
- Danilevskii, I. N. (2005). Aleksandr Nevskii. Paradoksy istoricheskoi pamyati [Alexander Nevsky. Paradoxes of Historical Memory]. In *“Tsep’ vremen”. Problemy istoricheskogo soznaniya*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 119–132.
- Dolgov, V. V., Kotlyarov, D. A., Krivosheev, Yu. V., Puzanov, V. V. (2003). *Formirovanie rossiiskoi gosudarstvennosti. Raznoobrazie vzaimodeistvii “tsentr – periferiya” (etnokul’turnyi i sotsial’no-politicheskii aspekty)* [Formation of Russian Statehood. Diversity of Centre-Periphery Interactions (Ethnocultural and Socio-Political Aspects)]. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta. 465 p.
- Dvoretiskii, I. Kh. (1986). *Latinsko-russkii slovar’* [Latin-Russian Dictionary]. 3rd izd. Moscow, Russkii yazyk. 431 p.
- Egorov, V. L. (1997). Aleksandr Nevskii i Chingizidy [Alexander Nevsky and the Genghisides]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 48–58.
- Fennell, J. (1989). *Krizis srednevekovoi Rusi. 1200–1304* [Crisis of Medieval Russia. 1200–1304]. Moscow, Progress. 291 p.
- Galitsko-Volynskaya letopis’ [Galicia-Volyn Chronicle]. (1997). In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 5. XIII vek. 528 p.
- Gorskii, A. A. (2004). *Rus’. Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo tsarstva* [Rus’. From the Slavic Settlement to the Muscovite Tsardom]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury. 368 p.
- Gumelev, V. Yu. (2013). Pro igo mongolo-tatarskoe [About the Mongol-Tatar Yoke]. In *Politika, gosudarstvo i pravo* [website]. No. 3. URL: <https://politika.snauka.ru/2013/03/694> (accessed: 15.05.2024).
- Halperin, Ch. (2012). *Tatarskoe igo: obraz mongolov v srednevekovoi Rossii* [The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 230 p.
- Istoriya tatar s drevneishikh vremen v 7 t.* [History of the Tatars since Ancient Times. 7 Vols.]. (2009). Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Vol. 3. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. 1056 p.
- Jackson, P. (2005). *The Mongols and the West, 1221–1410. The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Pearson Longman. 414 p.
- Kenneth, L. (1967). *Pike Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. The Hague, Mouton. 762 p.
- Khristianskii mir i “Velikaya Mongol’skaya imperiya”. Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda* [Christendom and the “Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan Mission of 1245]. (2002). Moscow, Evraziya. 478 p.
- Kozarzhenskii, A. Ch. (1985). *Istochnikovedcheskie problemy rannekhristianskoi literatury* [Source Study Issues of Early Christian Literature]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta. 146 p.
- Laushkin, A. V. (2002). Mitropolit Kirill II i osmyslenie ordynskogo iga vo vtoroi polovine XIII v. [Metropolitan Kiril II and the Understanding of the Horde Yoke in the Second Half of the 13th Century]. In *Bogoslovskii sbornik*. Iss. 10. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, pp. 211–224.
- Luard, H. R. (Ed.). (1864). *Annales monastici in 5 vols.* L., Longman, Roberts, and Green. Vol. 1. 586 p.
- Maiorov, A. V. (2011). Apostol’skii prestol i Nikeiskaya imperiya vo vneshnei politike Daniila Galitskogo [The Apostolic See and the Nicaean Empire in the Foreign Policy of Daniel of Galicia]. In *Rossica Antiqua*. Vol. 3, pp. 60–99.
- Maiorov, A. V. (2019). Russkii arkhiepiskop Petr na Lionskom sobore [Russian Archbishop Peter at Lyon Cathedral]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. No. 4 (78), pp. 18–32. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.002.
- Matuzova, V. I. (1979). *Angliiskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarii* [English Medieval Sources of the 9th–13th Centuries. Texts, Translation, Comments]. Moscow, Nauka. 268 p.

Matuzova, V. I., Nazarova, E. L. (2002). *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g. Teksty, perevod, kommentarii* [Crusaders and Russia. Late 12th Century – 1270. Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Indrik. 488 p.

Nolev, E. V. (2013). “Mongolo-tatarskoe igo”: ideologicheskii i metodologicheskii aspekty istoricheskogo diskursa [“Mongol-Tatar Yoke”: Ideological and Methodological Aspects of Historical Discourse]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 8, pp. 92–96.

Ostrowski, D. (1998). *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier: 1304–1589*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. 329 p.

Pauli, R. (Ed.). (1885). Ex annalibus Burtonensibus. In *Monumenta Germaniae historica. Scriptores (in Folio)*. 32 vols. Hannoverae, Hahn. Vol. 27, pp. 474–475.

Plano Carpini, Gio. de. (2022). *Istoriya mongolov. Tekst, perevod, kommentarii* [History of the Mongols. Texts, Translation, Commentary] / ed. by A. A. Gorskii, V. V. Trepavlov. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN. 383 p.

PSRL – *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. (2001). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. 648 p.

Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk]. (1957). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 272 p.

Rudakov, V. N. (2011). “Igo” mongolo-tatar: chto stoit za istoriograficheskim terminom? [The “Yoke” of the Mongol-Tatars: What Is behind the Historiographical Term?]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3 (45), pp. 99–100.

Rudakov, V. N. (2012). Kontseptsiya ordynskogo “iga” i otnosheniya s Ordoi v russkom obshchestvennom soznanii vtoroi poloviny XIII–XVI vekov [The Concept of the Horde “Yoke” and Relations with the Horde in the Russian Public Consciousness of the Second Half of the 13th – 16th Centuries]. In *Vestnik MGIMO*. No. 4, pp. 24–32.

Rudakov, V. N. (2015). Zavisimost' ot Ordy v russkoi istoricheskoi terminologii [Dependence on the Horde in Russian Historical Terminology]. In Kirillin, V. M. (Ed.). *Drevnyaya Rus'. Prostranstvo knizhnogo slova. Istoriko-filologicheskie issledovaniya*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 437–453.

Ruotsala, A. (2001). *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other*. Saarijärvi, Finnish Acad. of Science and Letters. 169 p.

Selart, A. (2011). Arkhiepiskop Petr i Lionskii sobor 1245 goda [Archbishop Peter and the Cathedral of Lyon in 1245]. In *Rossica Antiqua*. No. 1, pp. 100–113.

Seleznev, Yu. V. (2012). Proiskhozhdenie ponyatiya “mongolo-tatarskoe igo” (terminologicheskaya zametka) [The Origin of the Concept “Mongol-Tatar Yoke” (Terminological Essay)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 4, pp. 107–110.

Skazanie ob ubienii v Orde knyazya Mikhaila Chernigovskogo i ego boyarina Feodora [The Legend of the Murder in the Horde of Prince Mikhail of Chernigov and His Boyar Feodor]. (1997). In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka Vol. 5, pp. 156–163.

Uspensky, B. A. (2000). *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: Perception of History in Ancient Russia]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 128 p.

Uzhankov, A. N. (1992). “Letopisets Daniila Galitskogo”: problema avtorstva [The Chronicler of Daniel of Galicia: The Problem of Authorship]. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury X–XVI vv.* Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. Coll. 3, pp. 149–180.

Vevyurko, I. S. (2013). *Septuaginta: drevnegrecheskii tekst Vetkhogo Zaveta v istorii religioznoi mysli* [The Septuagint: The Ancient Greek Text of the Old Testament in the History of Religious Thought]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 976 p.

Zolotaya Orda v istochnikakh v 5 t. [Golden Horde in the Sources. 5 Vols.] (2001). Moscow, S. n. Vol. 1. 448 p.

The article was submitted on 13.06.2023